

Информация об авторе:

Урушадзе Амиран Тариелович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Южного научного центра РАН, доцент Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Б. Садовая, 33, каб. 205, aturushadze@sfedu.ru, +79185940821

Доклад: "Кавказ – величина особого рода": император, министры и наместники в борьбе за выбор политического курса на южной окраине России

Кавказское наместничество было создано в 1844–1845 гг. и стало большой неожиданностью для столичной бюрократии. На протяжении предшествовавших двух десятилетий Кавказ, казалось бы, должен был стать в политико-административном отношении простым продолжением внутренних российских губерний.

Главноуправляющий в Грузии и командующий Отдельным Кавказским корпусом И.Ф. Паскевич (1827–1831), а также сенаторы П.И. Кутайсов и Е.И. Мечников, проводившие ревизию Закавказья в 1829–1831 гг., предлагали ввести на Кавказе российское губернское управление «с некоторыми изменениями». Последние заключались «в учреждении на месте особого высшего правительства с полной властью по делам управления и суда». В 1831–1832 гг. этот план преобразований рассматривался в Государственном совете и был близок к утверждению, но тогда против введения на Кавказе ординарного губернского управления решительно выступил новый глава кавказской администрации Г.В. Розен (1831–1837), выступавший за сохранение военного управления в ряде Закавказских провинций империи.

Следующей попыткой административного слияния Кавказа с остальной империей стала реформа сенатора П.В. Гана. Она являлась развитием программы Паскевича–Мечникова–Кутайсова, но отличалась большей прямолинейностью. П.В. Ган считал, что непреодолимых препятствий к повсеместному введению на Кавказе российских судебно-административных схем не существует. Реформа полностью провалилась, а П.В. Ган и его поспешность еще долго служили примером пагубности столичных планов среди начальников кавказской администрации. Генерал В.О. Бебутов в письме первому кавказскому наместнику М.С. Воронцову от 31 октября 1847 г. вспоминал П.В. Гана как «сановника, накинувшего черную тень на все отрасли управления за Кавказом».

Под впечатлением от крушения реформы П.В. Гана, у императора Николая I начал формироваться собственный и оригинальный взгляд на перспективы моделирования кавказской администрации. В «Наказе Главному управлению Закавказским краем», утвержденному в ноябре 1842 г., служебные права главы региональной администрации расширились. Этот документ стал предвестником настоящего переворота, который был произведен императором в конце 1844 г., когда кавказским наместником был назначен граф М.С. Воронцов, занимавший должность новороссийского генерал-губернатора. Воронцов получил в свои руки власть «полудержавного властелина» на огромном пространстве Большого Юга Российской империи от Дуная до Аракса. Историк и издатель П.И. Бартенев как-то сравнил влияние Воронцова с всевластием Г.А. Потемкина. Преемники Воронцова (А.И. Барятинский, великий князь Михаил Николаевич) смогли сохранить особый статус наместничества в административной структуре империи. Такое положение вызывало негативную реакцию министров и главноуправляющих, которые предпринимали регулярные

служебно-иерархические атаки, направленные на сокращение автономии Кавказского края и его наместника. Полем битвы в борьбе за выбор политического курса стал Кавказский комитет.

Определяющее значение в работе Кавказского комитета приобрел управляющий его делами В.П. Бутков. Он первым получал запросы наместника (чаще всего через чиновников его канцелярии), мнения министров, руководил перепиской председателя комитета А.И. Чернышева с министрами и наместником, а также самостоятельно запрашивал мнения глав министерских департаментов. На практике именно В.П. Бутков представлял письменные мнения министров и главноуправляющих на заседаниях комитета и вносил их в журналы заседаний. От должностных «симпатий» и расторопности управляющего делами зависел исход многих спорных вопросов управления южной имперской окраины.

Влияние управляющего делами Кавказского комитета было особенно заметно на фоне специфического отношения министров к работе в отдельных профильных комитетах. О психологическом состоянии и рабочем настрое министров, переходивших из одного заседания в другое, дают представление дневниковые записи министра внутренних дел П.А. Валуева (1861–1868): «2 марта. Комитет министров. Потом комитет Кавказский... 9 марта. Утром Комитет министров. Потом Кавказский. От Польского я уехал... 23 марта. Утром Комитет министров. Потом Кавказский, от которого я уехал»¹.

Управляющий делами Кавказского комитета находился в самой тесной деловой связи с канцелярией кавказского наместника. Переписка В.П. Буткова с главой воронцовской канцелярии С.В. Сафоновым насчитывает 900 листов за период с 3 августа 1845 г. по 7 марта 1852 г.² Не многим менее интенсивной была переписка В.П.

¹ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. II. 1865–1876 гг. М., 1961. С. 25, 26, 29.

² РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 10.

Буткова с князем А.И. Барятинским, занимавшим пост кавказского наместника в 1856–1862 гг.

Противостояние с министрами, вызванное беспрецедентными служебными правами кавказского наместника, в целом складывалось в пользу М.С. Воронцова. Перевес сил в пользу Тифлиса объяснялся знаменитостью наместника, а также неформальной коалицией с военным министром и председателем Кавказского комитета А.И. Чернышевым. Последнее предопределило направление канцелярско-бюрократического усердия В.П. Буткова, превратившего Кавказский комитет в столичное посольство наместника.

В годы наместничества А.И. Барятинского министрам не удалось серьезно потеснить полномочия и служебные привилегии наместника. После приезда на Кавказ брата императора Александра II – великого князя Михаила Николаевича – основным предметом разногласий Тифлиса и Петербурга становятся финансы. Институты наместничества вкупе с расходами великокняжеской семьи обходились казне дорого. Самым серьезным противником автономии кавказского наместника являлся глава финансового ведомства М.Х. Рейтерн, который в 1870-х гг. предпринял несколько служебно-иерархических атак с целью сократить расходы по наместничеству. Но козырем наместника по-прежнему были неформальные связи и влияние при петербургском дворе. Только после того как великий князь Михаил Николаевич покинул Тифлис (1881 г.), М.Х. Рейтерн, ставший уже председателем Комитета министров, смог не только урезать финансирование южной окраины, но и покончить с наместничеством.

Кавказское наместничество стало большой неожиданностью для имперской бюрократии. По своей сути этот институт управления основывался на неформальном, личном доверии императора и наместника. В этом отношении показательно, что все кавказские

наместники были людьми близкими к российским монархам. Противостояние министров и наместников представляло собой конфликт различных систем организации власти и управления: современный бюрократический левиафан столкнулся с имперской сатрапией.